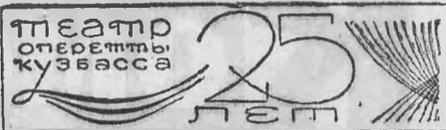

ый смотр
ной коме-
Д. Гогавы
леди» и
ыли при-
на област.

Сцены из спектакля Кемеровского театра оперетты.

НАЗОВЕНО С ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ УСПЕХОМ

ВЕСЬ ДЕНЬ И ВСЮ ЖИЗНЬ

Она увлеченно, так, что даже забываешь о блокноте и составленных вопросах, рассказывает о своей работе, о коллективе, о планах. Невольно ловишь себя на мысли: откуда берутся силы у этой женщины, за плечами которой — целый творческий коллектив, театр, его ритм, трудности, успехи, планы, готовящиеся спектакли, предстоящие гастроли. А в эти дни еще и поздравления, и сдача юбилейного спектакля, и подготовка праздничного концерта, и встречи с трудящимися предприятий города. Она чуть уставшим голосом говорит: «Весь день в театре, с утра до позднего вечера». Так было всегда, все 22 года, что она отдала театру, а не только в эти праздничные, юбилейные для театра оперетты дни.

Так откуда же эти силы? Она объясняет просто: — В театре нельзя работать, оставая хоть чуточку свободного времени для себя. Театр ревиши и эгоистичен, он требует полной отдачи. И там, где человек меньше думает о себе, к нему приходит успех. И, наоборот, так не только в театре, но и в любой другой работе.

Вспоминаются слова одного старейшего московского режиссера: во всем виноват режиссер. Не драматург, не актер, а режиссер. Он несет тяжкое бремя главы театра, он «растворяется» в каждом актере — с него и спрос, но ему и слава, и популярность в первую оче-

редь, если театру сопутствуют слава и популярность. И когда читаешь многочисленные рецензии под заголовками «Творчество рождает успех», «Многообещающее начало», «Жизнерадостное искусство» (это заголовки к рецензиям Ленинградских и московских газет, где прошлым летом проходили гастроли театра оперетты Кузбасса), когда читаешь такие строки: «...опустился занавес, аплодисменты были дружными и щедрыми. Кто-то даже крикнул «Молодцы!», понимаешь, что эти аплодисменты режиссеру прежде всего как руководителю, как создателю, как педагогу. И неважно, что в этих рецензиях, после анализа блестящей игры всех звезд, скромно, в скобках: «становщик спектакли — главный режиссер театра Т. Д. Гогавы». Важно другое — спектакль оценен, а значит оценены и признаны твой труд, твоя работа, которой отданы хлопотливые дни и бессонные ночи.

Во время премьеры она всегда за кулисами. Волнуется, как школьница. Режиссер следит за каждым движением актера, мысленно отмечает: это иначе надо... Но вот слышит аплодисменты, видит просветленные лица актеров, которых зритель буквально не отпускает со сцены, и тогда устойчивость вдруг напоминает о себе. Но только на какую-то долю секунды, потому что появляются другие заботы, а у главы театра фантастическое число забот, больших

и маленьких, а порой и самых будничных, например, ходить по инстанциям, просить, обеспечивать, выступать на очередной конференции и т. д. И все-таки главным, необходимым и светлым среди массы этих забот остается то, что составляет творчество режиссера.

Тамара Давыдовна Гогавы 10 лет проработала режиссером в Краснодарском краевом драматическом театре. Переход в оперетту был я для нее, и для ее коллег по драме неожиданным. Но он был подготовлен. Она любила ставить музыкальные спектакли. Для нее драматургия Шекспира, Лопе де Вега — сама музыка. И когда на Кубани стал создаваться театр музыкальной комедии, ей предложили возглавить его. Дмитрий Степанович Полянский, тогда секретарь крайкома партии, большой любитель театра, не ожидал положительного ответа. Потому так настойчиво и терпеливо убеждал режиссера. Он говорил: «Люди теряют уважение к жанру, а жанр тут ни при чем. У оперетты большие перспективы. Сегодня никто не мешает оперетте поднимать большие темы и раскрывать их всерьез умно и увлекательно. Все зависит только от режиссера».

Четыре года проработала она главным в театре музыкальной комедии Краснодара, прежде чем получила приглашение в Кузбасс. Это было и заманчиво (хотелось узнать самой, что такое Сибирь) и страшно (все-таки новый коллектив, новые люди). В Кемерово приехала летом. Мама старательно уложила в чемодан теплые вещи: все-таки Сибирь есть Сибирь. Тамара Давыдовна вспоминает свой первый день в Кемерово. Потом будней много памятных дней, ярких, волнующих, но этот — на всю жизнь. И не потому ли посвятила она двадцатипятилетие театра спектакль «Улица Весенняя», что первая встреча с Кузбассом, с кемеровчанами состоялась именно на этой, так понравившейся ей тогда своей зеленой, молодостной, гостеприимством, улице Весенней.

— Я вдруг забыла, что это край суровых морозов и, как мне говорили, суровых людей. Мне было тепло и среди этих людей, и на этой удивительной улице Весенней, и у маленького памятника Пушкину, и за кулисами пустовавшего театра (он тогда гастролировал в Новокузнецке).

И сами по себе исчезли все страхи и волнения. Тогда мне удалось посмотреть «Улицу Весеннюю», «Сорочинская ярмарка». Конечно — спектакль не повторился, я и увидела способных, одаренных, интересных артистов, с которыми можно работать. Уже тогда это был мой коллектив, я это знала, хотя где-то оставалась сомнения. И пока те-

атр полтора месяца был в отпуске, радуясь не давали покоя. И все-таки поехала, несмотря на уговоры друзей, родственников.

Первая встреча с коллективом, первая самостоятельная работа в нем — это серьезный экзамен для нового режиссера. Сумеет ли утвердиться, истинно, заставить поверить актеров, в себя, в свои силы? Сумеет — значит существовать коллективу и театру, значит быть атмосфере настоящего творчества и взаимопонимания.

Тамара Давыдовна говорит: — Режиссер заявляет о себе с первого спектакля и с первых попыток организовать творческую жизнь внутри коллектива. Никогда нельзя забывать о том, что за тобой — художественный организм, который нельзя разорвать и в котором части не взаимозаменяемы. Упустишь одно звено, ослабишь его, оставишь без внимания — и рухнет здание. Создание коллектива — очень тонкий процесс и очень сложный.

Сначала надо воспитывать из артиста гражданина, а потом уже артиста. Каждая репетиция — это процесс воспитания. Ничего не должно пройти мимо режиссерского глаза. Актер опоздал, бастекан, занался — это ЧП, предмет для серьезного разговора. Сегодня актер играет большую роль, завтра три слова. Как он относится к этому, что больше любит — театр или себя? Не все из горячей воды могут опуститься сразу в холодную. Но кто это выдерживает, становится закаленным. Режиссер театра должен знать все и всех и отвечать за все и за всех. За ним — решающее слово, но не приказ и директивы. Режиссер должен быть педагогом, воспитателем, но и режиссером прежде всего, творческая работа которого определяется качеством спектакля. Будет спектакль принят зрителем, актеры поверят в него, войдут за ним.

Первой работой Т. Д. Гогавы в театре оперетты Кузбасса была оперетта американского композитора Ф. Лоу «Моя прекрасная леди» (в основе сюжета музыкальная комедия пьеса Б. Шоу «Лигамилон»). Когда она объявила распределение ролей — все ахнули и тут же пообещали провал. Никто не мог представить себе артистку Евифанову в роли Элиза Дулиттл, а Дегтева в роли профессора Хиггинса. И все-таки над спектаклем работали увлеченно, буквально с утра до ночи. А накануне сдачи вдруг обнаружилось — костюмы испорчены. Две ночи актеры сами перешили лоскуты своего «сперенца». Это было 25 декабря 1965 года. Спектакль прошел с огромным успехом, взволновал актеров и зрителей Т. Д. Гогавы су-

мела заявить о себе, поверить в себя. Ее первая работа жила до сих пор (23 марта спектакль шел сто двадцать пятый раз) и до сих пор получает самые хорошие отзывы. Вот что писала газета «Советская Белоруссия»:

«Коллектив театра сумел «прочитать» пьесу именно как музыкальный рассказ, сделать правильные идейно-смысловые акценты. Музыка стала одной из главных «героинь» спектакля...»

Персонажи пьесы «Элиза Дулиттл, ее отец Алфред Дулиттл, профессор Хиггинс, полковник Пикеринг и другие яркие образы выписаны драматургом сочными красками. Став героиней музыкального спектакля, образы «Моей прекрасной леди» засверкали новыми гранями. В этом, думается, главная заслуга режиссера Т. Гогавы, которая внесла в спектакль дыхание подлинного драматического искусства».

В этом стремлении постоянно вносить в ставший ей любимым жанр «дыхание подлинного драматического искусства» — отношение режиссера к оперетте, его взгляд на него.

— Существует точка зрения, что оперетта — это дуплет, развлекательное зрелище и к жизни отношения не имеет. Чаще всего так говорят люди, не знающие и не понимающие природу этого чудесного, популярного в народе театрального жанра. Оперетта — самостоятельный жанр искусства, очень сложный и своеобразный. Его своеобразие в синтетичности, в органическом единстве слова и песни, музыки и танца. Его сложность в умении слить воедино все эти компоненты. В оперетте нет разделения: главное — не главное. Все одинаково важно — и музыка, и пьеса. Оперетта всегда была тесно связана с жизнью. Кто не признает это, тот не понимает жанра вообще, тот пессимист. Потому что еще одна особенность нашего жанра — его жизнеутверждающий характер, его непоколебимый и во всем побеждающий оптимизм. Сейчас идет активная борьба за этот жанр, за новое его содержание и характер. Борьба против старых, давно сложившихся взглядов на оперетту. Классика вечна, но не она определяет сегодня характер и стиль оперетты наших дней, не она господствует в репертуаре театров, а советская оперетта о нашем современнике, о сегодняшнем дне.

За двадцать пять лет существования театром оперетты было поставлено сто спектаклей (соблудный спектакль «Весенняя» будет как раз сотым). Из них — 74 оперетты композиторов и драматургов. Сейчас в активном репертуаре театра тоже немало современных спектаклей.